

Внутри было тревожно, и это чувство не находило выхода.

Пока все еще были поглощены мыслями о Чэн Юе и Гу Ши, голос начальника Лоу раздался в воздухе:

[Второй раунд тайного голосования начинается]

[Вы можете запросить повтор любого фрагмента истории продолжительностью три минуты]

[У каждого есть только одна попытка]

[Выбор остается за вами]

Бабушка Лю передала пятицветную шкатулку Хун Мэй, взглянула на дверь аудитории и закрыла ее.

Никто не мог предвидеть внезапного ухудшения состояния Чэн Юя.

Но это не изменило времени начала второго раунда тайного голосования.

Бабушка Лю, как проводник, конечно же, не могла снова ошибиться.

Хун Мэй, будучи механической марионеткой, действовала строго в соответствии с инструкциями чипа и не могла остановить второй раунд голосования из-за этого инцидента.

В отличие от условий первого раунда, во втором раунде голосование проводилось на основе карт персонажей, а не кодовых имен.

Хун Мэй записала на доске восемь карт персонажей, затем повернулась к аудитории и сказала:

— Этот раунд голосования также будет тайным. Выберите одного из этих восьми персонажей, который, по вашему мнению, должен исчезнуть.

На лицах всех присутствующих отразился страх.

Тот, кто должен исчезнуть.

Это было сложнее, чем в первом раунде, когда нужно было выбрать опасного персонажа.

С кодовыми именами они могли хотя бы попытаться угадать, основываясь на знакомстве. Но с картами персонажей все было сложнее, ведь никто не знал, какую карту выбрали другие.

Прошло пять минут, но никто еще не начал писать.

Хун Мэй напомнила:

— Пожалуйста, поторопитесь с голосованием.

Ю Цзя не выдержала и подняла руку:

— Учитель, действительно ли можно повторно показать сцену?

Хун Мэй кивнула.

Ю Цзя продолжила:

— Тогда покажите сцену, где Бао и Линь встречаются с наложницей Цзя.

В аудитории на несколько секунд воцарилась тишина, после чего Хун Мэй подошла к Ю Цзя и сказала:

— Смотри мне в глаза.

Ю Цзя послушалась.

В одно мгновение желаемая сцена отпечталась в ее сознании.

Когда все закончилось, Ю Цзя застыла в оцепенении. Она ожидала, что, как и раньше, из трещины на доске появится луч света, но вместо этого Хун Мэй напрямую передала ей нужный фрагмент в сознание.

— Учитель, могу ли я увидеть сцену, где наложница Цзя впервые прибывает в дом Цзя? — поднял руку Хуан Тай.

Хун Мэй повернулась и ушла.

Ван Ло наконец вздохнул с облегчением и спросил Ю Цзя:

— О чем ты думала, раз решила спросить ее? Она ведь на одной волне с той, что на сцене.

На сцене стояла бабушка Лю под номером 521.

Ее называли NPC-проводником с непредсказуемыми предпочтениями.

Она действовала без логики, полагаясь только на сиюминутные настроения.

Бабушка Лю бросила взгляд на Ван Ло, и он тут же замолчал.

Когда она перестала смотреть на него, он тихо спросил:

— Цзяцзя, кого ты собираешься выбрать?

Ю Цзя была занята анализом информации в своей голове и не обратила на него внимания.

Детали встречи Цзя Юаньчунь с Сюэ Баочай и Линь Дайюй.

Так как это происходило ночью и людей было много, многие детали могли быть упущены.

Наконец, после того как Ван Ло смотрел на Ю Цзя несколько десятков секунд, она тихо выдохнула, прикрыла записку и осторожно написала имя персонажа.

Как только она закончила, Хун Мэй, словно почувствовав это, сразу же повернулась, подошла и забрала записку, положив ее в пятицветную шкатулку, которую принесла бабушка Лю.

Она не дала Ван Ло ни малейшего шанса подсмотреть.

— Что ты уставился? Пиши быстрее! — подгоняла его Ю Цзя, отвернувшись.

История из «Сна в красном тереме» была для Ван Ло как новичок в игре: он едва запомнил несколько имен, не разобравшись в отношениях, и теперь ему нужно было анализировать текст. Это было для него настоящей пыткой.

Подумав, он написал имя персонажа наугад.

Хун Мэй забрала записку Хуан Тая и сразу же подошла за его, положив обе в шкатулку.

Затем пришла очередь Сюй Инь, Сюй Тин, Старины К и, наконец, Цзинь Кэ.

Когда Хун Мэй поняла, что одного не хватает, она обнаружила, что записка и ручка Гу Ши исчезли!

В тайном голосовании, кроме открытого кодового имени Чэн Юя, все восемь участников должны были быть учтены. Никто не мог быть пропущен.

А в этот момент у Чэн Юя разболелся желудок, и Гу Ши увел его из аудитории, забрав с собой и бумагу, и ручку.

Что-то было не так!

Произошло что-то серьезное!

Хун Мэй тут же открыла дверь аудитории. В тихом коридоре не было слышно ни звука, только фонари, мерцающие через каждые несколько метров.

Хун Мэй повернулась к бабушке Лю:

— Где эти двое?

Бабушка Лю была крайне недовольна таким взглядом со стороны механической марионетки. Она думала: «Ты, кукла, управляемая чипом, еще и смеешь меня, проводника, допрашивать? Кто ты такая!»

Бабушка Лю запрыгнула на парту, повернувшись к ней спиной. Одной механической рукой она оперлась на голову, а другой не спеша открыла найденный пауэрбанк в форме маленькой фигурки в старинном стиле. Она вставила его себе в затылок, чтобы зарядиться, и, закрыв глаза, начала напевать мелодию, совершенно игнорируя Хун Мэй.

Все присутствующие: Они что, поссорились?

Судя по всему, так и было.

Никто не осмеливался подойти и спросить.

Воздух словно застыл, и оставшиеся в аудитории почувствовали леденящий холод.

Как только Хун Мэй вышла, механические ноги бабушки Лю с невероятной скоростью и странной грацией захлопнули дверь аудитории.

БАМ!

Все вздрогнули. Даже Старина К, прошедший через многое, почувствовал холод и ощущение опасности.

Холод исходил от бабушки Лю, но откуда исходило это чувство опасности?

Его взгляд упал на окно у двери аудитории.

Снаружи было темно.

Но через равные промежутки времени раздавались громкие удары.

Старина К сжал кулаки.

Чэн Юй внезапно заболел, Гу Ши увел его. Теперь Хун Мэй вышла искать их. Что же могло издавать эти звуки снаружи?

Его сердце не могло успокоиться.

Бабушка Лю повернулась, и ее длинные механические ноги швырнули несколько парт к двери аудитории, спокойно сказав:

— Кстати, закройте и заднюю дверь. Иначе, если ворвется бешеная собака, я не буду отвечать за чью-либо смерть.

Все: ...

Цзинь Кэ дрожал, схватившись за руку Хуан Тая так сильно, что оставил на ней следы.

— Бабуля, что такое бешеная собака? — с любопытством спросил Хуан Тай.

Он не понимал, почему бабушка Лю говорила, что если придет бешеная собака, это приведет к смерти.

Бабушка Лю, словно услышала что-то невероятно смешное, выпрямилась, но ее голова наклонилась к Хуан Таю.

Цзинь Кэ открыл рот и несколько раз произнес «А-а-а», но так и не смог выговорить ни слова.

К счастью, Хуан Тай был знаком с Чэн Юем и уже видел, как волосы Хун-Хун отделялись от головы, поэтому быстро принял происходящее.

— Ты... Ах, я вспомнил, ты же тот, кто готовится к экзаменам.

Хуан Тай вежливо ответил:

— Да, вы меня помните.

Бабушка Лю с серьезным видом сказала:

— В общем, что бы ни происходило снаружи, не издавайте ни звука. Продержитесь десять минут, и все пройдет. Иначе, если бешеная собака узнает о вашем присутствии, даже Чэн Юй и Гу Ши вместе со мной не смогут вас защитить.

— ... — Хуан Тай хотел спросить еще что-то, но голова бабушки Лю уже вернулась в исходное положение.

Она сидела, как статуя, повернувшись к ним спиной.

Тем временем двое, спрятавшиеся в аудитории 555.

Гу Ши, войдя, запер дверь на замок.

Чэн Юя он положил на пол, накрыв своим пиджаком.

Гу Ши несколько раз позвал его по имени, и через некоторое время он медленно пришел в себя. Но его тело было словно изможденным, слабым и без сил.

— Как ты? — спросил Гу Ши, глядя на бледное лицо Чэн Юя.

Чэн Юй опустил взгляд на пиджак и с трудом выдавил улыбку. Раньше он всегда говорил, что сорвет с него пиджак, а теперь, вот пожалуйста, не нужно было даже стараться — он сам дал ему его и даже накрыл.

— В желудке горит, во рту жжет, — с трудом произнес Чэн Юй, покрываясь потом.

Он был на сто процентов уверен, что острый соус чили был произведен в районе Чуаньюй, иначе он бы не страдал так.

Гу Ши аккуратно вытер холодный пот с его лба.

— Подожди, — сказал Гу Ши и повернулся, начав искать что-то на полках.

Вскоре он нашел бутылку молока, еще не открытую.

Он поднес ее к Чэн Юю, открыл крышку, сам сделал глоток, чтобы убедиться, что все в порядке, и затем протянул ее Чэн Юю.

Чэн Юй смотрел на его действия, не собираясь пить.

Они замерли в напряжении.

Черт!

Он сам открыл, сделал глоток, а теперь дает мне.

Я болен, чтобы пить это!

— Почему не пьешь? Молоко снимает остроту, — серьезно сказал Гу Ши.

<http://bllate.org/book/16242/1460009>